

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Природа, энергия и экономический рост¹⁾

Торвальдур Гильфасон

В настоящей работе рассматривается связь между обилием природных ресурсов и экономическим ростом в разных регионах мира. Здесь представлены некоторые новые результаты. В работе показано, что основные причины того, что производство на основе природных ресурсов может сдерживать экономический рост, связаны с «голландским синдромом», недостаточной заботой об образовании, стремлением к извлечению экономической ренты и неудачной экономической политикой.

Отмечается, что в большом числе стран в период с 1965 по 1998 гг. доля первичного сектора в занятости обратно пропорциональна уровню экспорта, внутренних и иностранных инвестиций и образования и напрямую связана с внешним долгом, защитой импорта, коррупцией и неравенством доходов. Кроме того, перекрестные данные показывают, что доля первичного сектора в занятости обратно пропорциональна экономическому росту на душу населения в различных странах.

Однако это объективно не предопределено. Для экономического роста, по-видимому, важно не само по себе обилие природных ресурсов, а качество управления ими и экономического управления и институтов в целом.

Накопление высококачественного капитала посредством сбережений и инвестиций является важной движущей силой экономического развития по всему миру. Однако стандартное определение капитала как совокупности машин, оборудования, заводов и т.д. является слишком узким для полноценного использования в современной теории экономического роста. Понятие капитала необходимо расширить, включив в него, как минимум, четыре разных вида капитала: (а) физический капитал в традиционном понимании; (б) человеческий капитал, воплощенный в образовании, ноу-хау и подготовке кадров, а также здравоохранении; (в) социальный капитал, под которым понимаются инфраструктура и институты

¹⁾ Настоящая работа была написана для ECON – Центра экономического анализа в Норвегии в рамках исследований и программы разработки сценария «Нефть, благосостояние и экономический рост». Ричард М. Оти, Траин Эггертсон, Гильфи Т. Гисласон, Торвальдур Ханнессон, Торкел Хельгасон, Арне Йон Исаксен, Торольфур Маттиассон, Арни Томас Рагнарссон, Агнар Сандмо, Эйрик Варнесс и два анонимных рецензента ознакомились с предыдущими вариантами этой работы и высказали много ценных и конструктивных замечаний и предложений, однако они ни в коей мере не отвечают за изложенные здесь взгляды или выводы.

Торвальдур Гильфасон – Университет Исландии, факультет экономики и управления, 101 Reykjavik Iceland, эл. почта: gylfason@hi.is.

общества в широком смысле: его культура, право, система правосудия, правила и обычаи и т.д. (иногда также называемые социальными возможностями²⁾); (г) природный капитал в форме растительности, районов рыбного промысла, энергии в виде минерального топлива, термального и гидроэнергетического потенциала и т.д.

1. Физический, человеческий и социальный капитал

Хотя инвестиции и капитал в узком понимании являются важным источником богатства, этот потенциал отнюдь не всегда реализуется. Действительно, высокий уровень инвестиций обычно ассоциируется со значительным экономическим ростом. Увеличение инвестиций, скажем с 15 до 25% валового внутреннего продукта (ВВП), обычно повышает темпы экономического роста на душу населения (то есть роста ВВП в расчете на одного человека) в долгосрочной перспективе приблизительно на 2% в год исходя из опыта разных стран и периодов (см., например, Barro and Sala-I-Martin, 1995, гл. 12). Имеются, однако, некоторые исключения из этого правила в странах, где объем инвестиций значителен, но их качество низкое. Это в особенности касается стран с централизованно планируемой экономикой, большинство из которых теперь отказались от прежней практики. Решения об инвестициях там обычно принимались практически без учета прибыльности или спроса на рынке; в результате с течением времени отдача от основных фондов неуклонно уменьшалась (Easterly and Fischer, 1995). В этих странах огромные инвестиции были столь низкого качества, что экономический рост, как следствие, в течение нескольких десятилетий был отрицательным (это связано также с рядом других причин). Даже без учета других проблем, экономика стран с централизованным планированием неизбежно должна была потерпеть крах из-за сильнейшего давления непродуктивного капитала. Другие страны, например в некоторых регионах Африки, имеют те же характеристики, что неудивительно, поскольку многие из них рассматривали Советский Союз в качестве экономического примера для подражания. В рыночной экономике риск образования некачественного или даже бесполезного капитала гораздо ниже, поскольку рынок требует, чтобы инвестиции приносили достаточную прибыль. Исходя из этого можно сформулировать один из основных доводов в пользу частной, а не государственной собственности и управления банками и другими финансовыми посредниками. Главный принцип состоит в том, что *капитал* сам по себе не дает полного представления о ситуации; решающее значение имеет его *качество*, не только объективное качество в физическом смысле, но и эффективность его использования в сочетании с другими ресурсами. Быстрый экономический рост требует значительных и высококачественных инвестиций.

Проведя это разграничение между количеством и качеством, обратимся теперь к другим типам капитала. Рассмотрим человеческий капитал, приобретенный, например, посредством образования. Как ни удивительно, лишь недавно исследователи проблем экономического роста начали уделять существенное внимание вкладу образования в экономический рост; длительное время экономический рост рассматривался лишь как результат роста населения и научно-технического прогресса. Авторы теорий экономического роста не придавали большого значения возможности ускорения научно-технического прогресса в долгосрочной перспек-

²⁾ Понятие социального капитала хорошо раскрывается, например, в работе Paldam and Svendsen (2000). См. также Temple and Johnson (1998).

тиве в результате высокого качества образования. Следует признать, что среди них были исключения (например Nelson and Phelps, 1966), и специалисты по экономическому развитию и экономической истории признавали роль образования в экономическом развитии, но теория роста развивалась по собственному сценарию, в котором почти не находилось места другим объяснениям долгосрочного экономического роста кроме демографического роста и научно-технического прогресса. Однако в дальнейшем этот подход изменился. Революция эндогенного роста, которая началась около середины 1980-х гг., породила новые идеи относительно природы экономического роста, которые в дальнейшем радикально изменили представления об основных источниках роста. Во-первых, пришло осознание того, что все, что способствует повышению эффективности, в долгосрочной перспективе также стимулирует экономический рост. Это едва ли можно признать новым открытием (его истоки прослеживаются в работе А. Смита 1776), прежде этому тезису не уделялось достаточного внимания. Во-вторых, было признано, что в долгосрочной перспективе даже традиционная теория экзогенного роста может принимать в расчет значительно более широкий круг факторов, чем лишь роста населения и научно-технический прогресс. Революция в теории экономического роста за последние 10–15 лет во многом схожа с революцией макроэкономической теории, которой положил начало Кейнс, когда он восстал против бессилия органов государственной власти в решении проблем безработицы в 1930-е гг. и отверг макроэкономическую теорию, лежавшую в основе этой беспомощности. Новая теория роста также критикует бессилие органов государственной власти в решении огромной проблемы бедности в развивающихся странах; при этом, однако, нет необходимости полностью отказываться от старых теорий экономического роста – нужно лишь пересмотреть их интерпретацию, усовершенствовать, расширить и укрепить эти теории. Такая работа в настоящее время ведется.

Один аспект, который мы теперь представляем себе значительно более отчетливо, чем раньше, касается значения образования для экономического роста. Определить эту связь, однако, нелегко, поскольку для этого нужно знать, как измерять образование. Предпринимавшиеся попытки в основном исходили из уровня официального (полученного в учебных заведениях) образования, но при этом мы сталкиваемся с той же трудностью, что упоминалась выше в отношении капитала: официальное образование различно по качеству. Использование в качестве показателя только официального образования фактически означает измерение выпуска по вводимым ресурсам. Тем не менее, установлена довольно близкая корреляция между уровнем официального образования – начального, среднего и высшего – и экономическим ростом в разных странах. Типичное наблюдение состоит в том, что увеличение доли каждого контингента в средних учебных заведениях с 50 до 80% повышает темп экономического роста на душу населения в долгосрочной перспективе в среднем приблизительно на 1% в год. Из этого можно сделать вывод, что страна, где долгосрочный экономический рост на душу населения составляет 1% в год, может со временем удвоить этот темп лишь за счет увеличения числа учащихся средней школы с 50 до 80% каждого контингента, даже если все остальные факторы останутся неизменными. Это свидетельствует о важности образования, а также, по-видимому, о неограниченном потенциале экономического роста, если мы правильно используем имеющиеся возможности. Другие показатели образования, такие как количество лет официального образования или государственные расходы на образование, подтверждают этот вывод.

Таблица 1.

**Структура национального богатства в регионах мира
в 1994 г.**

Регион	Национальное богатство, тыс. долл. США на душу населения	Человеческий капитал, процентов	Физический капитал, процентов	Природный капитал, процентов
Северная Америка	326	76	19	5
Западная Европа	237	74	23	2
Ближний Восток	150	43	18	39
Южная Америка	95	74	17	9
Восточная Азия	47	77	15	8
Восточная и Южная Африка	30	66	25	10
Западная Африка	22	60	18	21
Южная Азия	22	65	19	16

Источник: Всемирный Банк, 1997 г.

Доля человеческого капитала намного больше доли любых других типов капитала. В табл. 1 представлена оценка Всемирного Банка относительно структуры национального богатства в разных регионах (социальный капитал не отражен в таблице из-за отсутствия приемлемой статистики). Эти цифры следует использовать с осторожностью, поскольку они представляют попытку измерения аспектов, которые трудно достаточно точно определить в количественном отношении. Как видно из таблицы, во всех регионах доля человеческого капитала оценивается в диапазоне от 2/3 до 3/4 национального капитала, за исключением Ближнего Востока, где очень велик объем природного богатства (нефти). С другой стороны, в Северной Америке и особенно в Западной Европе природное богатство незначительно по сравнению с капиталом и людскими ресурсами. Во всех случаях доля физического капитала составляет от одной шестой до четверти.

Социальный капитал также различным образом оказывает влияние на экономический рост (Woolcock, 1998). Приведем лишь один пример: коррупция, то есть злоупотребление государственной властью для личной выгоды. На первый взгляд кажется, что коррупция³⁾ не обязательно приводит к существенному снижению эффективности и темпов экономического роста и, напротив, может даже стимулировать экономику, как смазка для двигателя. Например, если люди не могут получить разрешение на создание предприятия без уплаты взятки лицензирующему органу, такое разрешение все же будет получено посредством тайного платежа, что позволит осуществлять данную экономическую деятельность. Некоторые наблюдатели утверждают, что взятки фактически могут ускорять оформление операционных лицензий, улучшать работу государственной администрации, повышать эффективность и в результате стимулировать экономический рост. С другой стороны, если взятки существенно влияют на распределение ресурсов, имеется опасность того, что дефицитные ресурсы и результаты их использования будут направлены не по назначению. Например, кумовство и nepotism – то есть коррупция при назначении на должности – может наносить ущерб экономике вследствие поруче-

³⁾ См., например, Gray and Kaufman (1998), Kaufman (1997) и Bardhan (1997).

ния важных функций некомпетентным лицам (например на посту судьи, посла или директора банка). Недавние исследования выявили тесную и статистически значимую связь между коррупцией и различными факторами, определяющими экономический рост (Мауро, 1995).

Но как можно измерить коррупцию? Она измеряется, например, путем систематического сбора информации от отечественных и иностранных бизнесменов, которые согласны сообщать о том, как часто и как настойчиво от них требуют взятки в разных странах и каковы размеры этих взяток. Мы можем проанализировать индексы коррупции, составляемые по большому числу различных источников, чтобы выстраивать страны по предполагаемому уровню коррупции. Индексы коррупции из различных источников довольно точно соответствуют друг другу, что свидетельствует об их достаточной достоверности. Согласно одному из таких индексов (сопоставляемому Transparency International, Берлин), по итогам 2000 г. Нигерия занимает последнее место по показателю коррупции (то есть уровень коррупции там наиболее высок); Индонезия, Россия, Индия и Китай стоят лишь немного выше⁴⁾, тогда как страны Северной Европы, Новая Зеландия, Канада и Сингапур возглавляют список (то есть имеют наиболее низкую коррупцию).

Если соотнести индекс коррупции с основными определяющими факторами экономического роста, то, согласно Мауро (1995, 1998), повышение коррупции в одной стране на два пункта (по шкале от 1 до 10) до уровня другой страны⁵⁾ приводит к (а) снижению инвестиций относительно ВВП на 4 процентных пункта при прочих равных условиях; (б) снижению государственных расходов на образование относительно ВВП на половину процентного пункта; (в) снижению темпа экономического роста на душу населения на половину процентного пункта в год, помимо сокращения притока иностранного капитала, стимулирования непродуктивных государственных инвестиций, ослабления промышленной инфраструктуры и увеличения налогового бремени. Все эти последствия создают препятствия для экономического роста.

Таким образом, коррупция является макроэкономическим фактором. Кроме того, индекс представлений о коррупции в действительности находится в соотношении с другим индексом, который используется для измерения другого аспекта фактического благосостояния, а именно качества экономической политики. Он показывает, насколько экономика открыта для внешней торговли, инвестиций и других форм влияния, насколько свободным является ценообразование на внутренних рынках и т.д. Показано, что эти индексы качества экономической политики и ее различных аспектов существенно влияют на экономический рост. Как следствие, не всегда легко различать воздействие отдельных факторов, определяющих экономический рост. Наблюдаемое эмпирическое соотношение между коррупцией и экономическим ростом может в действительности отражать связь между другими вида-

⁴⁾ В конце списка по уровню коррупции с 1995 г. находятся также Азербайджан, Ангола, Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Вьетнам, Гондурас, Камерун, Кения, Колумбия, Мексика, Пакистан, Парагвай, Таиланд, Танзания, Турция, Узбекистан, Украина, Филиппины и Югославия.

⁵⁾ Повышение коррупции (то есть ухудшение индекса представлений о коррупции) на два пункта можно истолковать следующим образом: если ситуация в Швейцарии, где индекс равен 8,6, ухудшилась бы до уровня, равного ситуации в Израиле, где индекс составляет 6,6, это будет иметь описанные в тексте последствия для инвестиций, экономического роста и т.д. при прочих равных условиях.

ми социального благосостояния (то есть качеством экономической политики) и экономическим ростом. Скорее всего, однако, оба эти фактора оказывают влияние на экономический рост, социальное благосостояние в целом и различные его положительные или отрицательные аспекты, такие как коррупция, хотя все их невозможно включить в одну регрессию, поскольку когда они рассматриваются вместе, воздействие каждого из них объяснить труднее.

Многие экономисты в настоящее время пытаются решить такого рода вопросы, используя статистические методы. Например, вооруженные конфликты между племенами, по-видимому, снижают темпы экономического роста в Африке (Easterly and Levine, 1997). Столкновения на этнической почве препятствуют экономическому развитию просто потому, что любые нарушения эффективности, какие бы формы они ни принимали, сдерживают экономический рост в различной мере, в зависимости от степени этой неэффективности. Правовое государство – в отличие от диктатуры – благоприятно для роста (Barro, 1997). Тем не менее, еще предстоит найти ответы на многие важные вопросы, касающиеся, в частности, потенциального воздействия на мировой экономический рост беспристрастной судебной системы, свободных средств массовой информации, независимых центральных банков и альтернативных средств организации рынка труда⁶⁾. Все это, и многое другое, еще предстоит сделать, поскольку если коррупция и социальные конфликты подрывают социальный капитал и тем самым препятствуют экономическому росту, то ряд факторов, способствующих пополнению и совершенствованию социального капитала и укреплению единства общества, ускоряет экономический рост. Демократия, плюрализм, политическая стабильность, соблюдение правил, свободная пресса и многое другое – все это должно повышать экономическую эффективность и способствовать росту, тем самым, возможно, компенсируя другие, менее благоприятные воздействия.

Это наконец подводит нас к главному вопросу нашей дискуссии.

2. Природное богатство и экономический рост

За период с 1965 г. население земли почти удвоилось и в 1998 г. составляло почти 6 млрд. человек, и многие предсказывали, что экономический рост едва ли будет успевать за таким темпом, однако доходы на душу населения в различных регионах мира в этот период росли в среднем на 1,4% в год, что в сумме составляет 58%. Другие показатели отражают аналогичные тенденции: например, начиная с 1970-х гг. средняя продолжительность жизни в развивающихся странах увеличивается в среднем ежегодно на четыре месяца.

Однако эти значительные успехи распределены неравномерно. Это неравенство в наибольшей степени связано с двумя факторами: неверной экономической политикой и суровыми природными условиями в тропических регионах, то есть жарким и влажным климатом и сопутствующими болезнями и нищетой. И напро-

⁶⁾ Следует признать, что исследователи экономической истории изучали влияние отдельных учреждений, например в свое время Банка Англии на развитие экономики Англии, которое оказалось позитивным, но это другой вопрос. Барро (2000) приводит некоторые рудиментарные эмпирические результаты, свидетельствующие, что дерегулирование и либерализация рынка труда, возможно, благоприятна для экономического роста.

тив, разумная экономическая политика и более мягкие природные условия – хороший климат – стимулируют экономический рост⁷⁾.

Какова роль природного богатства? Стимулируют ли экономический рост плодородная почва, богатые рыбные промыслы, нефтяные запасы и так далее.

Имеющийся опыт, по-видимому, свидетельствует о том, что значительное природное богатство при отсутствии продуманного управления в долгосрочной перспективе замедляет экономический рост. Надо признать, что в краткосрочной перспективе оно позволяет повысить благосостояние, и иногда весьма значительно, но в итоге, как представляется, оно снижает темпы экономического роста. Представим себе страну, которая открыла на своей территории ценные нефтяные месторождения или богатые рыбные промыслы. Экономика страны, по крайней мере на первом этапе, получит выгоду от этого открытия. Однако если в результате экономический рост замедлится (возможные причины рассматриваются ниже), а все остальные факторы останутся неизменными, через некоторое время страна фактически окажется в худшем положении, чем если бы она не обладала природными ресурсами. На рис. 1 представлены два графика, отражающие эту проблему. Прямая ABCD показывает устойчивый экономический рост из года в год, тогда как график ABESF показывает, что происходит в случае открытия новых природных ресурсов в точке В. После этого производство резко возрастает, но затем его рост существенно замедляется⁸⁾. На пересечении этих двух линий, в точке С, наступает момент, когда природное богатство начинает вызывать снижение уровня жизни в стране. Таким образом, природные ресурсы могут быть не только благом: да, они приносят стране богатство, на какое-то время, но это часто достигается в ущерб экономическому росту в долгосрочной перспективе, или по крайней мере в течение длительного периода. Примеры нефтяных резервов и рыбных промыслов выбраны преднамеренно ввиду отсутствия сколько-нибудь значимых эмпирических данных о том, что в этом отношении имеется существенное различие между возобновляемыми и невозобновляемыми ресурсами.

В табл. 2 представлены цифры по 85 странам, которые классифицируются по величине (населению), природному богатству (пахотные земли на душу населения)⁹⁾ и типу природного богатства (нефть, минеральные и другие ресурсы, включая рыбу и сельскохозяйственную продукцию). Это деление, разумеется, не

⁷⁾ Например, в работе Hall and Jones (1996) указано, что все страны Северной Европы «добиваются прироста производства на работника в размере более 145% благодаря своему местоположению по сравнению со средней страной, например Мозамбиком».

⁸⁾ Родригес и Сакс (1999) делают более далеко идущий вывод: они показывают, что для стран, богатых ресурсами, оптимальная стратегия может заключаться в превышении их долгосрочной равновесной траектории экономического роста и в «жизни не по средствам» в течение определенного периода, даже если это приводит к отрицательным темпам роста во время возврата к устойчивому состоянию.

⁹⁾ Возможно также использование других показателей природного богатства, таких как (а) доли экспорта природных ресурсов в общем экспорте или ВВП (Sachs and Warner, 1995) и (б) доли людских ресурсов, занятых в производстве первичной продукции (Gylfason, Herbertsson, and Zoega, 1999). Что касается использования данных о пахотных землях на душу населения в качестве показателя природного богатства, см. Wood and Berge (1997), которые утверждают, что обратная связь между природным богатством и экономическим ростом в долгосрочной перспективе в основном не зависит от того, какое из этих определений природного богатства используется.

является единственно возможным, но и другие правила классификации обычно дают тот же вывод¹⁰.

Таблица 2.

**Природное богатство и экономический рост
в 1970–1993 гг.**

Природное богатство	Число стран	Пахотные земли, га на душу населения	Экономический рост на душу населения, процентов в год
<i>Небольшие природные ресурсы</i>	20	0,16	2,7
Крупные страны	7	0,15	3,7
Малые страны	13	0,16	2,1
<i>Богатые природные ресурсы</i>	65	0,56	0,6
Крупные страны	10	0,56	1,3
Малые страны	55	0,56	0,5
Нефть	8	0,44	0,8
Минеральное сырье	16	0,66	-0,2
Прочее	31	0,57	0,7
<i>Всего</i>	85	0,48	1,1

Источник: Auty (1997).

Табл. 2 показывает, что в странах с довольно ограниченными природными ресурсами темпы экономического роста в 1970–1993 гг. были намного выше, чем в других странах, более щедро одаренных природой. Заметим, что в каждой из этих двух групп темпы экономического роста выше в более крупных (по численности населения) странах по сравнению с меньшими по размеру странами. Это, возможно, свидетельствует о том, что небольшие страны с ограниченным внутренним рынком обычно имеют более низкие темпы роста, если они не принимают мер для компенсации неэффективности малых масштабов внутренней экономики путем наращивания внешней торговли. Заметим также, что во всех трех группах стран-производителей сырья экономический рост ниже, чем в среднем в мире.

Наконец, отметим, насколько много в выборке стран. Среди этих небольших стран, богатых ресурсами, 55 из 85 включенных в выборку стран. Среди этих небольших стран, богатых ресурсами, страны Африки к югу от Сахары добились наименьших успехов, отчасти из-за того, что большинство из них не осуществили диверсификацию экономики, чтобы уменьшить свою почти полную зависимость от узкого и нединамичного набора статей сырьевого экспорта и создать возможности для развития других отраслей с лучшими перспективами роста. Многие страны Африки экспортируют сельскохозяйственную продукцию («прочие» в табл. 1), но опыт, по-видимому, свидетельствует о том, что даже наиболее эффективное сельское хозяйство в странах, богатых ресурсами, имеет значительно меньший потенциал для экономического роста, чем промышленное производство в странах, бедных ресурсами (Auty, 1998). Эта ситуация усугубляется проведением слабой экономической политики, например в форме экспортных советов или советов по маркетингу, которые первоначально использовались колониальными правителями, а за-

¹⁰ Например Gylfason (1999) показывает, что в выборке 105 стран за период с 1985 по 1994 г. экономический рост и общий объем экспорта обратно пропорциональны экспорту сырья.

тем национальными органами в большинстве стран континента для обложения фермеров наиболее обременительным налогом, покупая их продукцию по фиксированным ценам намного ниже цен мирового рынка и тем самым подрывая сельское хозяйство и экономику в целом (Schuknecht, 1999). Умеренное и щадящее налогообложение вместо массового искажения внутреннего ценообразования дало бы лучшие результаты.

Богатые ресурсами страны Южной Америки добились относительно больших успехов, чем большинство стран Африки, отчасти вследствие того, что уровень народного образования в этих странах выше, чем в большинстве регионов Африки, и ценообразование обычно более соответствует ситуации на мировых рынках, хотя страны Южной Америки тоже возводили барьеры, препятствующие внешней торговле. В Восточной Азии страны с ограниченными сырьевыми ресурсами (Гонконг, Сингапур, Тайвань и Южная Корея) добились даже лучших результатов, чем страны, богатые ресурсами (Малайзия и Таиланд).

Из всей этой группы только четыре страны, богатые ресурсами, смогли добиться: (а) уровня долгосрочных инвестиций свыше 25% ВВП в среднем в 1965–1998 гг., равного аналогичному показателю в различных преуспевающих промышленно развитых странах, не располагающих сырьевыми ресурсами¹⁾, и (б) экономического роста на душу населения свыше 4% в год в среднем за тот же период (табл. 3). Этими странами были Ботсвана, Индонезия, Малайзия и Таиланд²⁾. Три из них, находящиеся в Азии, добились этого успеха³⁾ путем диверсификации своей экономики и индустриализации; Ботсвана не прибегала к этим мерам.

Таблица 3.

Четыре страны, богатые ресурсами: инвестиции и экономический рост в 1965–1998 гг.

Страна	Инвестиции, процентов ВВП	Рост ВВП на душу населения, процентов
Ботсвана	27	7,7
Индонезия	26	4,7
Малайзия	28	4,1
Таиланд	29	5,0

Источник: Всемирный Банк, 2000 г.

Хотя три названные азиатские страны, особенно Индонезия, пережили серьезные трудности после финансового кризиса на Дальнем Востоке и в других регионах в 1997–1998 гг., эти трудности, по-видимому, являются временными (и в любом случае не связаны с индустриализацией и лежащими в ее основе экономическими

¹⁾ Для сравнения, в 1998 г. инвестиции составляли 21% ВВП в странах с высоким уровнем дохода и 22% в мире в целом.

²⁾ Норвегия не входит в эту группу, поскольку, хотя инвестиции там составляли в среднем 27% ВВП в 1965–1998 гг., рост ВВП на душу населения в Норвегии составлял в среднем «только» 3% в год. (В эту группу также не входит Исландия, где инвестиции в среднем составляют 24% ВВП, а экономический рост на душу населения в 1965–1998 гг. был ниже 3%.)

³⁾ Более широкая оценка экономического успеха – включая, например, критерий отсутствия коррупции – представила бы Индонезию в менее благоприятном свете. Кроме того, Индонезия значительно хуже справилась с последствиями финансового краха 1997–1998 гг., чем Малайзия и Таиланд.

реформами) и едва ли подорвут движущие силы значительного экономического роста, наблюдающегося в регионе с 1965 г. Ботсване принадлежит мировой рекорд по экономическому росту на душу населения в период с 1965 г., и в 1990-е гг. она была одной из ведущих стран мира по соотношению государственных расходов на образование и ВВП. Ботсвана также снискала репутацию страны с осмотрительной экономической политикой и честным персоналом органов государственной администрации; согласно упомянутому выше индексу представления о коррупции, она является менее коррумпированной, чем любая другая африканская страна. Однако начиная с 1990 г. экономический рост на душу населения существенно замедлился. Средняя продолжительность жизни в стране лишь за несколько лет сократилась с 60 до 50 лет из-за СПИДа и постепенно приближается к 40 годам.

Приведенные выше цифры, разумеется, не являются достаточным доказательством отрицательного влияния сырьевого производства на экономический рост, поскольку рост также зависит от множества других факторов, которые тоже необходимо учитывать. В 1965 г., в начале периода, за который проводится сопоставление, например, большинство стран, богатых ресурсами, имели более высокий доход на душу населения, чем другие страны, поэтому, возможно, следовало ожидать, что в последующем их темпы роста были ниже. Кроме того, не исключено, что экспорт сырья влияет на другие экономические факторы (такие как общий объем экспорта, инфляция и распределение дохода), и что именно эти факторы косвенным образом снижают темпы экономического роста, а не само первичное производство. Например, значительный экспорт приводит к высокому уровню импорта – не только товаров, услуг и капитала, но и технологии и знаний – и тем самым, как правило, прямо или косвенно стимулирует экономический рост. Таким образом, открытая экономика обычно растет быстрее, чем закрытая при прочих равных условиях (Easterly, 2000).

Для выяснения коренных причин этого явления требуется регрессионный многомерный анализ, чтобы установить связь долгосрочных экономических показателей в группе стран с различными синхронными переменными. Регрессионный анализ синхронных данных и временных рядов, по-видимому, подтверждает, что производство сырья существенно снижает темпы экономического роста в разных странах и с течением времени, даже если исходный доход на душу населения, инфляция и другие параметры остаются неизменными¹⁴). Обычный вывод таких исследований состоит в следующем: когда доля производства сырьевых экспортных товаров в общем объеме экспорта страны возрастает на 25 процентных пунктов (например с 25 до 50%), экономический рост на душу населения в долгосрочной перспективе замедляется на 0,5–1% в год, а доля всего экспорта (то есть отношение экспорта товаров и услуг к ВВП) одновременно сокращается на 6 процентных пунктов (Sachs and Warner, 1995, 1999; Gylfason and Herbertson, 1996; Gylfason, Herbertson and Zoega, 1999).

Эти факторы существенны и заставляют задуматься над непростыми вопросами: как возможно, что природное богатство дает столь незначительные преимущества в экономике? Не является ли это просто совпадением? Или же, веро-

¹⁴) В настоящей работе нет необходимости уделять значительное внимание опасности смешивания причин и следствий, поскольку природное богатство является экзогенной переменной и поэтому не обусловлено экономическим ростом. Это, однако, не исключает того, что *эксплуатация* природных ресурсов может в определенной степени быть эндогенной переменной, то есть если более низкие темпы экономического роста могут приводить к росту эксплуатации ресурсов.

ятно, имеются какие-то системные или эндогенные силы, вызывающие этот результат? Может быть, соперничество человека с силами природы принимает новое направление?

В остальной части настоящего раздела содержится анализ четырех основных возможных объяснений того, почему производство на базе природных ресурсов может сдерживать экономический рост в долгосрочной перспективе. Эти объяснения будут рассмотрены по следующим категориям: (а) голландский синдром; (б) образование; (в) извлечение экономической ренты и (г) экономическая политика. Эти отчасти структурные, отчасти политические объяснения можно вывести либо из теории эндогенного роста в долгосрочной перспективе, либо из неоклассической теории среднесрочного роста; выбор одной из этих двух интерпретаций не имеет существенного значения в нашем анализе. Проведенные Всемирным Банком в 1970-е и 1980-е гг. эмпирические исследования экономического роста (см. Chenery and Syrquin, 1975; Chenery, Robinson and Syrquin, 1986) конкретно не рассматривали этот вопрос. Лишь в 1990-е гг. были предприняты первые усилия по выявлению и анализу долговременной связи между производством на базе ресурсов и экономическим ростом (Ranis, 1991; Matsuяama, 1992). Этот срок не случаен: он связан с революцией в области эндогенного роста, которая начала приносить эмпирические результаты только после 1990 г. Фактически обоснованный теоретический и статистический анализ вклада производства на базе ресурсов в экономический рост был невозможен до тех пор, пока сама теория роста не претерпела необходимых преобразований. Следует признать, что специалисты по экономической истории изучали связь между первичным производством и экономическим развитием во многих регионах мира в течение длительного времени, но их объяснения и методология не принимались сторонниками традиционной теории экономического роста, пока в середине 1980-х гг. не произошла революция эндогенного роста. Самих фактов недостаточно – нам также нужны модели, соответствующие этим фактам.

А. Голландский синдром

После открытия месторождений природного газа в Голландии в конце 1950-х и начале 1960-х гг. и последовавшего за этим значительного увеличения экспорта газа, параллельно начал расти реальный курс гульдена, что осложнило условия деятельности других экспортных отраслей. Это явление впоследствии получило название «голландский синдром», хотя в действительности и не является ни голландским, ни синдромом в обычном смысле слова (Corden, 1984; Neary and Wijnbergen, 1986; Gelb, 1988). Оно также не требует фактического повышения курса валюты и может возникать, например, если частный сектор (первичный сектор) получает высокие прибыли и повышает заработную плату своим работникам, в результате чего другим секторам трудно конкурировать в привлечении кадров (или капитала). Таким образом, голландский синдром может иметь место даже в странах, не имеющих собственной валюты, таких как Фарерские острова и Гренландия, которые используют датскую крону (Paldam, 1994, 1997).

Увеличение экспорта обычно приводит к повышению реального обменного курса¹⁵⁾. Кроме того, повторяющиеся подъемы и спады экспорта усиливают не-

¹⁵⁾ Это обусловлено просто тем, что увеличение притока иностранной валюты вследствие роста экспорта (или из любого другого источника) обычно снижает относительную цену иностранной валюты – как следствие, курс национальной валюты повышается в реальном выражении.

стабильность обменного курса (Gylfason, Herbertsson and Zoega, 1999; Herbertsson, Skuladottir and Zoega, 1999), что со временем препятствует внешней торговле и инвестициям. Для сырьевого экспорта характерны периодические подъемы, в большей степени, чем для других статей экспорта, в результате открытия и разработки новых ресурсов, и если внутренний спрос не изолирован от резкого роста экспорта, реальный обменный курс повышается¹⁶⁾. Таким образом, изобилие природных ресурсов может порождать «слишком высокий» реальный обменный курс. Это, однако, не всегда легко доказать ввиду противоречивости логики этого явления. Как следствие, для эмпирического обоснования необходимо использовать косвенные измерения.

Предположим теперь, что внутренний спрос по какой-то причине не защищен от бума природных ресурсов. Это представляется скорее правилом, чем исключением в странах, богатых ресурсами: по крайней мере значительная часть дохода в первичном секторе направляется во внутреннюю экономику через прирост потребления, инвестиций или государственных расходов¹⁷⁾. Как в этом случае внутренняя экономика реагирует на процветание производства сырья и связанное с этим повышение реального обменного курса, которое ослабляет позиции других секторов? Представим себе на минуту, что стоимость других статей экспорта соответственно снизилась, и таким образом общая стоимость экспорта осталась прежней¹⁸⁾. При прочих равных условиях останется ли также неизменным экономический рост? Не обязательно, поскольку рост зависит не только от объема экспорта (в числе многих других факторов), но и от структуры этого экспорта. Различные типы экспорта могут по-разному влиять на экономический рост – некоторые стимулируют рост, другие сдерживают его. Экспорт сырьевых товаров, по-видимому, стимулирует экономику в меньшей степени, чем другие типы экспорта промышленных товаров и услуг. Голландский синдром уменьшает долю экспорта, связанную с обрабатывающей промышленностью, которая обычно в наибольшей степени способствует техническому прогрессу и новшествам (Kaldor, 1966), и тем самым препятствует экономическому росту. Это, вероятно, объясняется прежде всего различиями в уровнях образования в различных отраслях с различными

¹⁶⁾ Сырьевой экспорт также подвержен потрясениям, которые время от времени приводят к девальвации валюты: лишь одним из таких примеров является экономическая история Исландии, в которой имело место много таких случаев.

¹⁷⁾ Альтернативным вариантом могло бы быть хранение всех доходов от бума природных ресурсов путем накопления иностранных активов за рубежом и лишь постепенного ввода доходов от этих активов, включая основную сумму или без нее, во внутренний поток доходов в течение длительного периода времени, чтобы свести к минимуму макроэкономические и структурные последствия этого бума. Эти соображения лежали в основе создания Норвежского правительственного нефтяного фонда.

¹⁸⁾ В Норвегии, которая по экспорту нефти вышла на второе место после Саудовской Аравии, общий объем экспорта остается стабильным относительно ВВП, на том же уровне, что и до начала добычи нефти. Другим примером может служить Исландия с ее крупными рыбными промыслами: ее экспорт составляет около трети ВВП с 1945 г. (и даже с 1870 г.). Из всех промышленно развитых стран только в Исландии и Норвегии за последние десятилетия имел место такой застой экспорта. Для Австралии и Новой Зеландии в течение длительного периода после Второй мировой войны также был характерен застой экспорта. Эти страны, богатые ресурсами, все еще остаются относительно закрытыми, с точки зрения внешней торговли, для таких небольших (по численности населения) стран. В 1998 г. экспорт составлял 21% ВВП в Австралии (население 18 млн.) и 29% в Новой Зеландии (4 млн.)

темпами практического обучения кадров и, следовательно, различными темпами роста, к чему мы вскоре еще вернемся¹⁹⁾.

Однако это не отражает всей картины. Опыт позволяет предположить, что увеличение экспорта сырья, например после открытия нового месторождения нефти, приводит к сокращению общего объема экспорта. Это означает, что другие статьи экспорта (промышленная продукция, услуги и т.д.) сокращаются в значительно большей степени, чем это соответствует первоначальному приросту экспорта сырья. Это соотношение сохраняется независимо от того, измеряется ли размер сырьевого сектора (а) долей сырьевого экспорта в общем экспорте товаров; (б) средней долей трудовых ресурсов, занятых в производстве сырья, или (в) долей природного капитала в национальном богатстве, как показано в столбце 4 табл. 1²⁰⁾.

Далее в тексте (рис. 2–10) средняя доля занятости, приходящаяся на сырьевой сектор, в период с 1965 по 1990 гг. используется в качестве эквивалента наличия природных ресурсов. Сырьевой сектор включает сельское хозяйство, охоту, лесное хозяйство и рыбный промысел, но не горную и другие добывающие отрасли²¹⁾. Для отражения того же тезиса можно также использовать среднюю долю сырьевого экспорта в общем экспорте или долю природного капитала в национальном богатстве (Gylfason, 2000a, 2000b). В каждом случае результаты, полученные посредством трех разных показателей наличия природных ресурсов, и их интерпретация практически одинаковы²²⁾. Аналогичным образом в эконометрических исследованиях воздействия природного богатства на экономический рост в разных странах и в различные периоды несколько различных критериев обеспеченности природными ресурсами приводили к по существу аналогичным результатам²³⁾.

На рис. 2 показаны корреляция между средним отношением экспорта товаров и услуг к ВВП за период с 1965 по 1998 гг. и доля сырьевого сектора в общей занятости. Он охватывает данные по 162 странам²⁴⁾. Каждая точка на рисунке соответствует стране. Линия регрессии, проходящая по графику, показывает, что эта кор-

¹⁹⁾ Это, однако, скорее всего, не единственная причина, по крайней мере в том, что касается сельского хозяйства. Поскольку технология развивается быстрее, чем растет спрос на продукты питания, цены мирового рынка на большинство видов сельскохозяйственной продукции со временем снижаются в реальном выражении. Это помогает объяснить ограниченный потенциал сельского хозяйства для экономического роста в различных странах мира.

²⁰⁾ См. ссылки в сноске 8.

²¹⁾ Весьма сходные результаты получаются при использовании исходной, а не средней доли занятости в первичном секторе.

²²⁾ Соотношение между долей занятости в сырьевом секторе и долей сырьевого экспорта в общем объеме экспорта равно 0,51.

²³⁾ В исследовании, положившем начало новой эконометрической литературе по вопросу природных ресурсов и экономического роста Sachs and Warner (1995b), как и Gylfason and Herbertsson (1996) используют отношение сырьевого экспорта к ВВП. Gylfason (1999) использует долю сырьевого экспорта в экспорте товаров. В работе Gylfason and Herbertsson and Zoega (1999) используется как доля сырьевого экспорта в общем экспорте товаров и услуг, так и доля занятости в сырьевом производстве. Даже если в этих исследованиях применяются указанные различные критерии обеспеченности природными ресурсами, все они приходят к выводу, что увеличение природных ресурсов снижает темпы экономического роста в разных странах (в работе Gylfason and Herbertsson (1996) используются данные продольного анализа (а не структурные данные), также на протяжении времени).

²⁴⁾ Число стран, отраженных на рисунках, соответствует максимальному числу стран-членов Всемирного Банка (2000 г.), если не указано иное.

реляция является отрицательной и статистически значимой²⁵⁾: когда доля природного капитала возрастает на три процентных пункта от одной точки к другой, экспортный коэффициент снижается на один процентный пункт. Аналогичные результаты имеют место, когда открытость измеряется по сумме экспорта и импорта, а не только по отношению экспорта к ВВП, а также когда экспортный или торговый коэффициент корректируется с учетом размера страны (то есть населения) исходя из того, что крупные страны зависят от экспорта в меньшей степени, чем малые страны (не показано). Кроме того, когда экспортный коэффициент освобождается от элемента, обусловленного первоначальным доходом на душу населения, — определяемого на основе регрессии экспортного коэффициента за 1965–1998 гг. на исходный ВВП на душу населения (то есть в 1965 г.), а также доли занятости в сырьевом секторе — с тем чтобы убедиться, что обратная связь между экспортным коэффициентом и долей занятости в сырьевом секторе на рис. 2 не является лишь отражением обратной корреляции между экспортным коэффициентом и первоначальным доходом, результаты по существу не меняются²⁶⁾. Такова суть голландского синдрома, и поскольку экспорт благоприятен для экономического роста — не только сам по себе, но также поскольку он стимулирует импорт товаров и услуг, труда и капитала, идей и ноу-хау, голландский синдром может препятствовать быстрому экономическому росту.

Необходимо подчеркнуть, что мы не делаем каких-либо выводов относительно причин и следствий. Рис. 2 призван только показать данные таким образом, чтобы описание соответствовало результатам многомерного анализа регрессии, которые могут помочь учесть дополнительные определяющие факторы экспорта (Gylfason, 1999) и которые содержат попытку разграничения причин и следствий. Эта же оговорка касается всех приводимых ниже цифр. Тем не менее, исследование двухмерных структурных взаимосвязей страдает многими недостатками. Во-первых, такие исследования не учитывают разнообразие опыта отдельных стран. Они также не принимают во внимание происходящие со временем изменения в экономике, что входит в задачи выборочных исследований.

На рис. 3 показана корреляция между средней долей внутренних инвестиций в ВВП в период с 1965 по 1998 гг. и доля занятости в сырьевом секторе в 160 странах²⁷⁾. Эта корреляция является существенно отрицательной. Когда экспортный коэффициент освобождается от элемента, обусловленного первоначальным доходом на душу населения, R^2 повышается с 0,10 до 0,48, а уклон регрессии (не показан) повышается по абсолютному значению с $-0,07$ до $-0,19$. Таким образом, когда доля занятости в сырьевом секторе возрастает на пять процентных пунктов от одной страны к другой, при данном первоначальном доходе доля инвестиций

²⁵⁾ Эта корреляция по определению равна квадратному корню R^2 , который показан на рисунке и в данном случае составляет $-0,42$. Его статистическая значимость определяется по критерию значимости уклона линии регрессии на рисунке. Ранговая корреляция Спирмана, которая менее чувствительна к выпадающим показателям, также равна $-0,42$.

²⁶⁾ Корреляция между долей занятости в сырьевом секторе и логарифмом первоначального (1965 г.) душевого дохода, определяемая как ВВП на душу населения в 1998 г., скорректированный с учетом паритета покупательной способности, деленный на соответствующий фактор роста в 105 странах, по которым имеются данные обеих переменных, составляет 0,83.

²⁷⁾ Экваториальная Гвинея была исключена из этой выборки из-за проблем с ее (чрезвычайно высокими!) показателями инвестиций. Это исключение существенно не влияет на уклон линии регрессии.

снижается почти на один процентный пункт. Эта связь подробно отражена в работе Gylfason and Zoega (2001), где показано, как связь через внутренние инвестиции может объяснять около четверти общего воздействия обеспеченности природными ресурсами на экономический рост в структурной выборке из 85 стран в период с 1965 по 1998 гг. Несмотря на отсутствие данных разбивки инвестиций по секторам, представляется логичным предположить, что увеличение первичного производства сопровождается сокращением инвестиций в другие сектора кроме самого сырьевого сектора, что приводит к общему сокращению инвестиций. Таким образом, эта обратная корреляция между инвестициями и производством сырья также может показывать, как производство сырья, особенно когда оно быстро развивается, может ослаблять другие сектора.

В. Образование

Производство сырья в целом предъявляет менее высокие требования к образованию по сравнению с другими сферами производства – обрабатывающей промышленностью, торговлей и услугами. Это в особенности касается сельского хозяйства в развивающихся странах. В результате работники, высвобождаемые из сырьевых отраслей производства, например сельского хозяйства, рыбного промысла, лесоводства или горной промышленности, обычно имеют более низкий уровень образования, например в плане владения иностранными языками, для нового трудоустройства в современных секторах, поскольку в целом доля неквалифицированных рабочих в сырьевом секторе выше, чем в других секторах. Однако это касается не всех сфер, поскольку передовые технологии в производстве сырья требуют образованных работников различного профиля, примером чего в последние годы могут служить буровые работы с применением высоких технологий и компьютеризация рыболовных судов. За последние десятилетия также намного повысился уровень механизации сельского хозяйства в промышленно развитых странах. Тем не менее, поскольку образовательный уровень работников в производстве сырья в среднем ниже, чем в других секторах, это, по-видимому, отчасти объясняет тот факт, что крупномасштабное производство сырья обычно связано с менее развитым обучением на рабочих местах, меньшими положительными внешними эффектами и, следовательно, менее быстрым техническим прогрессом и экономическим ростом. Mauro (1998) указывает на наличие дополнительной связи, посредством которой коррумпированные политики стремятся присвоить государственные средства, предназначенные для нужд образования.

На рис. 4 показана корреляция между долей зачисленных в средние школы в среднем с 1980 по 1998 гг. и долей занятости в сырьевом секторе в 166 странах. Этот рисунок показывает, что увеличение доли занятости в сырьевом секторе на 1 процентный пункт от одной страны к другой сопровождается сокращением доли зачисленных в средние школы почти на 1% по каждому контингенту. Эта корреляция составляет 0,85. Если освободить долю зачисленных от элемента, обусловленного первоначальным доходом на душу населения, результаты по существу не изменятся. Тем не менее, мы не можем сделать каких-либо заключений о причинно-следственных связях. Нельзя исключать возможность того, что ограниченное образование способствует поступлению значительной части людских ресурсов в сектор сырьевого производства, где требования к образованию ниже, чем в других сферах. Однако более вероятно обратное: что масштабы сырьевого произ-

водства определяются в значительной степени природным богатством, являющимся экзогенной переменной. В этом случае скорее доля зачисленных в школы отчасти определяется требованиями сырьевого производства к образованию, чем наоборот. Аналогичные результаты (не показаны) сохраняются в отношении начального и высшего образования, а также расходов на образование и его продолжительности (Gylfason, 2000b, 2001).

Как упоминалось выше, ограничения экспорта и импорта ведут к замедлению экономического роста, поскольку без развитой международной торговли страны, как правило, не могут в достаточной степени обмениваться знаниями и опытом относительно новых и усовершенствованных методов работы, более эффективных способов производства, маркетинга, технологических новшеств и так далее. Закрытые страны, как ранее Албания и все еще Куба, Мьянма и Северная Корея, являются тому ужасными примерами. То же можно сказать об образовании. Низкие количественные и качественные показатели образования ослабляют подготовку трудовых ресурсов не только непосредственно, но и косвенным образом, за счет сокращения возможностей для выхода отечественных фирм на иностранные рынки. Как следствие, не только учащиеся узнают меньше в школе, но и работающие узнают меньше, чем могли бы узнать посредством внешней торговли (обучение в процессе экспорта). Это две стороны одной медали, поскольку торговля и есть образование.

Г. Извлечение экономической ренты

Сырьевое производство обычно является источником экономической ренты. Рента на природные ресурсы отличается от прибыли (то есть дохода за вычетом затрат) тем, что большинство природных ресурсов, кроме воздуха и воды, являются ограниченными, в связи с чем необходимо регулировать их использование путем ограничения доступа²⁸⁾. Те, кому владелец ресурса – государственный орган, предприятие или физическое лицо – предоставляет доступ и права пользования сверх тех, которыми располагают другие, тем самым получают преимущество, превышающее прибыль, которую они могли бы получить в условиях неограниченного доступа; это преимущество представляет собой ренту от данного ресурса. В большинстве других форм экономической деятельности высокая прибыль привела бы к росту числа участников сектора, до тех пор пока прибыль не сократилась бы до обычных пределов, обеспечивающих конкурентоспособность. Этого обычно не происходит в области эксплуатации ресурсов – по крайней мере, этого не должно происходить, поскольку ограничение доступа к ресурсу не допускает увеличения числа субъектов в секторе, которое привело бы только к увеличению издержек, если использование ресурса – например разрешения на разработку нефти или квоты на лов рыбы – определяются заранее. Таким образом, ограничение доступа к ресурсу создает стоимость, то есть ренту, сверх нормального уровня прибыли. Рента может также создаваться иными способами, не связанными с управлением ресурсами. Она имеет место всегда, когда производственные ресурсы остаются неизменными в течение длительных или кратких периодов, как

²⁸⁾ В некоторых регионах мира даже воздух и вода не являются неограниченными ресурсами. Можно привести два примера: чистый воздух является дефицитным ресурсом в городе Мехико из-за загрязнения, а восточная часть Средиземноморья испытывает нехватку воды в силу природных факторов.

по природным причинам, что обычно происходит в землепользовании, так и по решению государственных органов, как в случае распределения любых видов дефицитных ресурсов – например прав на лов рыбы.

Рента на природные ресурсы различается по промышленным секторам. Она обычно высока в добыче нефти, часто около 80% дохода, несколько ниже в горной промышленности и еще меньше, например, в рыбном промысле, где она может составлять около трети дохода. Это связано с тем, что лов рыбы в открытом море обычно требует больших затрат, чем добыча руды, которая в свою очередь обходится дороже, чем выкачивание нефти на поверхность земли или моря.

Когда владелец ресурса ограничивает доступ к нему, лица, занимающиеся деятельностью в соответствующем секторе или желающие участвовать в этой деятельности, естественно приложат все усилия для получения ренты. Стремление к получению ренты может принимать различные формы, и все они отвлекают усилия от производства и другой полезной деятельности (Krueger, 1974; Bhagwati, 1982; Gelb, Hillman and Ursprung, 1996). Попытки извлечения экономической ренты могут иметь место, например, когда производители в соответствующей отрасли приходят к выводу, что им необходимо конкурировать, чтобы добиться расположения того, кто предоставляет доступ к данному ресурсу, и наоборот. Это происходит всегда, когда дефицитные ресурсы распределяются меньше, чем за полную цену (например кредиты и иностранная валюта). Одним из основных преимуществ рыночной экономики перед плановой со всеми ее ограничениями и нормированием является тот факт, что рынок заменяет государственные органы там, где это возможно, тем самым избавляя страны от непроизводительной траты ресурсов и коррупции, которые обычно следуют за попытками получения ренты так же неотвратимо, как ночь следует за днем. Это один из наиболее веских доводов в пользу взимания платы за право на рыбный промысел вместо бесплатного распределения разрешений на лов на рыбных банках Норвегии и Исландии, как это до сих пор делается, сравнимый с аргументацией в пользу определения рынком процентных ставок и обменных курсов вместо нормированного распределения кредитного капитала и валюты по ценам ниже рыночных под контролем государственных служащих и политиков, которое еще применяется в некоторых развивающихся странах.

В тех случаях, когда государство или другой общественный орган является владельцем ресурса, попытки извлечения ренты побуждают производителей поддерживать тесные связи с властями в ущерб потребителям. Когда производители получают льготы за счет потребителей, возникает опасность того, что государственные власти будут поддерживать внутреннее производство товаров и услуг, которые было бы экономичнее покупать по более низкой цене за рубежом (замещение импорта). Таким образом, стремление к получению ренты часто приводит к сокращению импорта – например посредством ограничений импорта в угоду внутренним производителям. Эта тенденция отражена на рис. 5. На рисунке показано, как средние ставки таможенных пошлин на импорт в 1970–1998 гг. связаны с долей занятости в сырьевом секторе в 134 странах. Импортные пошлины возрастают в среднем на 1 процентный пункт при каждом повышении доли занятости в сырьевом секторе в разных странах. Эта взаимосвязь имеет существенное значение. Корреляция составляет 0,61. Когда зависимая переменная освобождается от элемента, обусловленного первоначальным душевым доходом, результаты остаются практически неизменными. Однако ограничения импорта не только сокращают импорт согласно их предназначению, но могут также уменьшать объем экспорта, так как усиление

стимулов к производству для внутреннего рынка в рамках защиты от импорта может ослабить стимулы для экспорта. Как ограничения импорта, так и низкая экспортная активность препятствуют повышению открытости экономической системы, что сдерживает экономический рост.

Другое возможное объяснение того, что страны, богатые ресурсами, обычно имеют более закрытую экономику, состоит в следующем: опасаясь голландского синдрома, власти иногда пытаются защитить слабое отечественное производство вместо того, чтобы полностью открыть свою экономическую систему. В аналогичном плане в работах Tornell and Lane (1998, 2000) утверждается, что непредвиденные улучшения условий торговли и бумы разработки природных ресурсов могут вызывать политическое взаимодействие, или игры, между влиятельными группами, которые приводят к дефициту текущих операций, непропорциональному распределению бюджетных средств и снижению темпов роста.

Кроме того, крупномасштабное сырьевое производство, по-видимому, также сокращает приток иностранного капитала. На рис. 6 показана обратная взаимосвязь между долей занятости в сырьевом секторе и валовыми прямыми иностранными инвестициями относительно ВВП в 138 странах в период с 1975 по 1998 г. Когда доля занятости в сырьевом секторе в одной стране на 35 процентных пунктов выше, чем в другой (например 15 и 50%), отношение прямых иностранных инвестиций к ВВП снижается почти на один процентный пункт. Эта взаимосвязь имеет существенное значение. Корреляция составляет $-0,43$. И в этом случае, когда зависимая переменная освобождается от элемента, обусловленного первоначальным доходом на душу населения, результаты остаются практически неизменными. Таким образом, производство сырья, по-видимому, не только приводит к сокращению экспорта товаров и услуг (вспомним рис. 2), но и ограничивает экспорт акций, отчасти из-за опасений притока иностранного капитала и связанных с ним посягательств на внутреннее производство сырья²⁹). Если рассмотреть этот вопрос под другим углом, изобилие природных ресурсов, видимо, вызывает сокращение как иностранных, так и внутренних инвестиций (см. рис. 3). До настоящего времени этому аспекту голландского синдрома и извлечения экономической ренты уделялось мало внимания, но, как кажется, он заслуживает более тщательного рассмотрения.

Существует также опасность того, что рента на ресурсы, попадающая в руки основных сторонников правительства, которое создает эту ренту и бесплатно распределяет ее, может снизить заинтересованность обеих сторон в наращивании человеческого капитала и осознание его необходимости – например путем увеличения расходов центральных и местных органов власти на образование или посредством организационных изменений в целях совершенствования и укрепления системы школьного образования. Почему лица, получающие ренты от ресурсов, будут заинтересованы в школьном и ином образовании во имя прогресса, если они уже набили себе карманы и обеспечили своих детей, не получив образования? Таким образом, экономическая рента, возможно, отчасти объясняет, почему сырьевое производство ведет к сокращению экспорта (опять вспомним рис. 2), а также контингента учащихся в школах (рис. 4).

Предоставление ограниченных ресурсов бесплатно или ниже рыночной стоимости и связанное с этим извлечение экономической ренты почти всегда ве-

²⁹) Лишь один пример: по исландскому законодательству иностранные граждане не могут покупать акции исландских рыболовных предприятий.

дет к растрате ресурсов и коррупции. Рассмотрим сначала проблему растраты ресурсов. Бесплатное предоставление ренты, по-видимому, поощряет менее осмотрительное ее использование по сравнению с другими статьями дохода. Представляется, что люди в полной мере не ценят деньги, которые они получили, не прилагая для этого усилий. Это явление хорошо нам знакомо в других сферах, таких как кредитный рынок: в этом случае люди чаще используют субсидируемые ссуды (например посредством инфляции), чем деньги, которые они должны возвращать по нормальным – и при необходимости скорректированным с учетом инфляции – процентным ставкам. Это не обязательно означает, что заемщики обычно используют чужие деньги менее благоразумно, чем свои, но это явление, по-видимому, обусловлено меньшим почтением к деньгам, владелец которых неясен. Доводы против бесплатного предоставления ренты, исходя из соображений эффективности в этом отношении, тесно связаны с аргументами против инфляции ввиду ее неэффективности: для достижения максимальной эффективности деятельности и инвестиций необходимо, чтобы предприятия и физические лица практически ничего не получали бесплатно – ни субсидируемого заемного капитала, ни бесплатной ренты. Аналогичные доводы можно привести против иностранной помощи без предъявления каких-либо условий.

Рис. 7 отчасти проливает свет на эту проблему. Как видно из рисунка, страны, богатые ресурсами, накапливают внешнюю задолженность в большей степени, чем другие страны. С увеличением доли занятости в сырьевом секторе на три процентных пункта между странами бремя обслуживания внешнего долга возрастает почти на 10% от стоимости экспорта. Этот график охватывает 108 стран³⁰. Эта взаимосвязь является значимой; соотношение составляет 0,45. Опять же, когда зависимая переменная освобождается от элемента, обусловленного первоначальным доходом на душу населения, результаты остаются неизменными. Имеется также прямая, статистически значимая связь между долей занятости в сырьевом секторе и непогашенным объемом внешнего долга (приведенной стоимости) в 1998 г. (не показано). Данные разбивки этого долга по секторам отсутствуют, но представляется логичным, что накопление внешнего долга в производстве сырья, как минимум, не меньше, чем в других секторах, поскольку это производство, за исключением сельского хозяйства в развивающихся странах, обычно довольно капиталоемкое. Высокая внешняя задолженность и соответствующее бремя ее обслуживания снижают темпы экономического роста, по крайней мере в случае государственных предприятий с высоким уровнем задолженности (Gylfason, Herbertsson and Zoega, 1999), поскольку заемный капитал обычно не используется для достаточно прибыльных инвестиций, что служит еще одним подтверждением отрицательного воздействия сырьевого производства на экономический рост. Чрезмерная задолженность может также быть признаком неправильной макроэкономической политики, препятствующей росту.

Рассмотрим теперь коррупцию. Если производство сырья связано с предоставлением бесплатного доступа к ограниченным ресурсам, следует ожидать, что страны, богатые ресурсами, более подвержены коррупции, чем другие. Что об этом свидетельствует?

³⁰ Ввиду очень высоких уровней внешнего долга Гвинея-Бисау и Судан не включены в график. Однако в случае включения этих двух стран они не внесли бы никакого искажения в общую картину.

На рис. 8, охватывающем 88 стран, доля занятости в сырьевом секторе показана вдоль горизонтальной оси (как на рис. 2–7), а индекс оценки коррупции за 2000 г. – по вертикальной оси³¹⁾. Индекс охватывает диапазон от 0 в странах с наиболее высокой коррупцией до 10 в странах, где коррупция практически отсутствует (как, например, в Финляндии и Дании). Эта картина указывает на четкую и статистически значимую взаимосвязь: коррупция, измеряемая по этому индексу, возрастает от одной страны к другой в соответствии с увеличением производства сырьевых товаров. Когда доля занятости в сырьевом секторе возрастает на 16 процентных пунктов, индекс оценки коррупции снижается (то есть коррупция возрастает) на один пункт. Корреляция равна $-0,67$. Когда индекс коррупции освобождается от элемента, обусловленного первоначальным доходом на душу населения, результаты остаются неизменными. В разделе I мы видели, что снижение индекса коррупции на два пункта (то есть рост коррупции) в одной стране относительно другой связано с сокращением роста на душу населения в среднем на половину процентного пункта в год. Таким образом, рис. 8 позволяет предположить, что увеличение на 32 процентных пункта доли занятости в сырьевом секторе в одной стране относительно другой обычно приводит к сокращению роста на душу населения в среднем на половину процентного пункта в год всего лишь за счет поощрения или стимулирования коррупции, если не происходит других изменений. Это существенный эффект – то есть если это действительно следственный эффект, а не простая корреляция. Это еще одна возможная причина того, что производство сырья, по-видимому, ведет к замедлению экономического роста.

Прежде чем мы завершим рассмотрение вопроса об экономической ренте, следует упомянуть еще одно возможное объяснение. Ряд авторов за последнее время выступили с обоснованием тезиса о том, что неравенство доходов и имущества снижает темпы экономического роста (Alesina and Rodrick, 1994). Это может быть вызвано, например, возмущением по поводу чрезмерного неравенства, которое приводит к спорам относительно распределения дохода и в результате к периодическим сбоям в переговорах о заключении трудовых договоров, что вызывает резкий рост инфляции и дестабилизацию производства и рынка труда, а вызванное этим снижение эффективности в свою очередь препятствует экономическому росту. Это частое явление, например, в некоторых странах Южной Америки. Другие утверждают, что производство сырья порождает тенденцию роста неравенства (Ranis, 1991). Если это так, то имеется еще один канал сдерживающего воздействия производства сырья на экономический рост. Это может происходить, например, если общественность связывает в своем представлении ресурсы отрасли с неравенством и в силу этого выступает против производства сырья, экспорта и внешней торговли в целом, укрепляя тем самым позиции сил, требующих закрыть экономику, что подавило бы экономический рост.

О чем свидетельствуют данные? Рис. 9, охватывающий 110 стран, показывает, что доля занятости в первичном секторе, по-видимому, связана с неравенством распределения дохода: когда эта доля различается между странами на 6–7%, коэффициент Джини возрастает на один пункт. Эта взаимосвязь является значимой; соотношение составляет 0,41. Когда независимая переменная освобож-

³¹⁾ Ранговая оценка коррупции за предыдущие годы, с 1995 по 1999, дает аналогичные результаты.

дается от элемента, обусловленного первоначальным доходом на душу населения, результаты остаются неизменными. Один пункт на шкале Джини эквивалентен одной десятой довольно значительной разницы между равенством доходов, например в Норвегии, где коэффициент Джини равен 26, и в Великобритании, где он составляет 36 (Всемирный Банк, 2000). Для сравнения можно также отметить, что отношение дохода или потребления верхнего квинтиля распределения дохода к доходу или потреблению нижнего квинтиля (коэффициент 20/20) равно $3^{1/2}$ в Норвегии и $6^{1/2}$ в Великобритании (Всемирный Банк, 2000).

Таким образом, можно сделать вывод, что производство сырья, вероятно, может оказывать значительное влияние на распределение дохода – а также на экономический рост, как видно из рис. 10. Этот рисунок показывает, что экономический рост на душу населения в период с 1965 по 1998 г., скорректированный с учетом первоначального дохода³²⁾, находится в обратном соотношении с долей занятости в сырьевом секторе в 105 странах в период с 1965 по 1990 г. Эта взаимосвязь является значимой; соотношение составляет 0,85. Корректировка с учетом первоначального дохода предусматривает скорость сближения около 2% в год (не показано), что часто отмечается в эмпирических исследованиях экономического роста. Увеличение доли занятости в сырьевом секторе на 11–12% при сопоставлении стран связано со снижением роста на душу населения в среднем на один процентный пункт в год при данном первоначальном доходе. Однако уклон линии регрессии завышает воздействие доли занятости в сырьевом секторе на экономический рост, поскольку на этом рисунке не учтен ряд других потенциальных определяющих факторов экономического роста (особенно инвестиции и образование).

Необходимо рассмотреть еще один аспект. Успешное извлечение экономической ренты может нарушать соотношение сил в обществе, если рента на природные ресурсы или другие виды ренты являются существенными с макроэкономической точки зрения. Лица, которые настойчиво стремятся к получению ренты и которым в значительной мере удается получать ее в собственных интересах, заинтересованы не только в деньгах, но и в связанном с этой рентой влиянии. Есть много примеров того, как они устанавливают свой контроль над политической ареной, по крайней мере временно, – возьмем, например, политическое влияние, связанное с нефтью на Ближнем Востоке и в Нигерии. Эта проблема часто усугубляется непрозрачностью режима в отношении ренты на природные ресурсы, являющиеся общей собственностью, что дает преимущество действующему правительству и подрывает механизмы демократического управления. Wantchekon (2000) показывает, что демократия и правовое государство находятся в обратном соотношении с зависимостью от природных ресурсов в разных странах и в различные периоды.

Это поднимает ряд вопросов. Демократия и рыночная экономика дают каждому гражданину один голос в день выборов (по крайней мере в странах с удовлетворительным делением на избирательные округа), но их права голоса у кассы супермаркета различаются в зависимости от покупательной способности. Потребители могут направлять развитие производства в соответствии со своим спросом. Лица, обладающие наибольшим финансовым влиянием, однако, пытаются воздей-

³²⁾ Переменная, представленная на вертикальной оси на рис. 10, соответствует части экономического роста, которая не объясняется исходным уровнем развития страны, определяемым по регрессии роста за период с 1965 по 1998 г. относительно (логарифма) исходного ВВП на душу населения (т.е. в 1965 г.), а также доли занятости в сырьевом секторе.

ствовать на политическую ситуацию в соответствии с собственными идеями и интересами, например путем поддержки политических партий. Это отнюдь не является чем-то предосудительным, при условии, что правительство обеспечивает правила игры, отвечающие общественным интересам, например посредством запрета на взятки и наличия четких и прозрачных правил мобилизации средств политическими партиями, чтобы не допустить возможности покупки чрезмерной степени доступа к правительству – не нарушая, однако, при этом права физических лиц распоряжаться своим богатством по собственному усмотрению. Этот путь может быть трудным и подчас скользким, о чем свидетельствуют многочисленные финансовые скандалы с политическими партиями. В целом, однако, невозможно помешать состоятельным людям оказывать большее влияние на политику, если они в этом заинтересованы. Одним из основных преимуществ рыночной экономики является тенденция обретения людьми богатства благодаря собственным усилиям и удаче, хотя, несомненно, этот принцип не всегда соблюдается. С другой стороны, серьезный недостаток плановой экономики состоит в том, что люди приобретают состояние, главным образом, за счет привилегий, которые они предоставляют себе сами или которыми они обмениваются друг с другом. Как следствие демократия и рыночная экономика в отличие от плановой экономики и автократии обеспечивают большую вероятность меритократии, вознаграждающей людей по достоинству, и легитимного правительства в представлениях общественности. Опыт этих двух систем в этом столетии является бесспорным, хотя, конечно, и не безупречным и однозначным.

Это существенно, поскольку общество, построенное на экономической ренте, имеет недостаток, аналогичный проблеме плановой экономики: оно наделяет значительным богатством избранную группу не по заслугам, а путем бесплатного распределения ценных благ по усмотрению властей. Затем это богатство обеспечивает еще большую власть и так далее. Это создает не только риск нежелательной концентрации богатства и власти в руках узкого круга лиц, преследующих корыстные интересы, но и опасность более тесной связи между охотниками за рентой и властями, чем это оправданно в интересах общества. Концентрация богатства у небольшого числа лиц может создавать угрозу сплоченности общества и экономическому росту, которая обычно менее серьезна, если эти лица обрели свое состояние по заслугам, чем если это произошло за счет бесплатного распределения ценных благ, таких как рента, не говоря уже о ренте на общественную собственность, по праву принадлежащей народу. Таким образом, потребность в эффективном и справедливом использовании ренты на ресурсы не имеет ничего общего с неприязнью к богатству и богатым людям, это просто необходимость эффективности, демократии и справедливости – и экономического роста.

Можно ли избежать всех этих недостатков ренты путем продажи с аукциона прав, порождающих экономическую ренту, чтобы их могли приобретать лица, которые разбогатели по заслугам, вместо тех, кто ничего или почти ничего не сделал, чтобы заслужить их? Возможно, но не обязательно. Опыт показывает, что насколько можно судить, страны, построившие эту систему таким образом, что основная часть ренты достается государству, что является обычной практикой, например в большинстве стран-экспортеров нефти, не добились больших успехов, чем другие, поскольку государство в не меньшей степени подвержено непроизводительному использованию ренты от ресурсов, чем получатели ренты в частном секторе. В Нигерии состояние образования остается плачевным, несмотря на всю

получаемую государством нефтяную ренту, и экономический рост на душу населения в стране с 1965 по 1998 гг. был нулевым – именно 0,0% в среднем в год³³). Любое распределение ренты через аукцион едва ли реально поможет, если не принять мер по соответствующему снижению налогов – особенно налогов, вносящих искажения в экономику. Другой подход мог бы заключаться в равном распределении ренты между гражданами путем выпуска ваучеров. Еще один вариант состоит в том, чтобы ренту от ресурсов собирал и использовал независимый, но демократически подотчетный орган. Однако, вероятно, наиболее разумным решением было бы одновременно использовать несколько средств для достижения поставленной цели, чтобы распределить риск и примирить различные точки зрения, как было сделано, например, в процессе приватизации в последние годы в некоторых странах Центральной и Восточной Европы.

Что можно сказать о Норвегии? Норвегия разработала долгосрочный и достаточно рыночный подход к управлению ее огромными нефтяными ресурсами на основе налогов. Насколько эти ресурсы огромны, зависит от цен на нефть, которые весьма неустойчивы: оценки нефтяного богатства варьируются в диапазоне от 50% до 250% ВВП. По закону право собственности на месторождения нефти на континентальном шельфе Норвегии принадлежит государству. Это означает, что в принципе вся рента от нефти и газа должна поступать в распоряжение народа Норвегии через правительство страны. Право государства на эти ресурсы составляет правовую основу государственного регулирования нефтяного сектора, а также его налогообложения.

Лицензии на разведку и добычу нефти предоставляются за небольшую плату как отечественным, так и иностранным компаниям. Почему установлена низкая плата? Потому что правительство Норвегии приняло решение взимать ренту на нефть и газ в форме налогов и сборов, а также прямого участия в разработке ресурсов, а не посредством продажи напрямую или с аукциона прав на разведку и добычу ресурсов (ОЭСР, 1999, гл. 3). Государство имеет прямую долю в большинстве морских нефтяных и газовых месторождений и, как и другие держатели лицензий, получает соответствующую долю продукции и других поступлений, приблизительно 40% общего объема. По оценкам, за счет этого, а также различных налогов и сборов норвежское государство смогло получить около 80% ренты на ресурсы за период с 1980 г. Таким образом, в 1997 г. доходы от нефтяных операций составляли более пятой части всех государственных доходов и 9–10% ВВП материковой части Норвегии, или 8–9% всего ВВП, включая нефть. Доходы от нефти вносятся в Государственный нефтяной фонд, в котором производится накопление средств, инвестируемых в основном в иностранные ценные бумаги³⁴.

В то же время, однако, различные доли чистых налоговых поступлений каждого года от нефтяного сектора переводятся из Нефтяного фонда в государственный бюджет, по существу для покрытия бюджетного дефицита остальных секторов. Доля чистых налоговых поступлений от нефти, передаваемая таким обра-

³³) Нигерия в этом не одинока: если рассмотреть опыт пяти других нефтедобывающих стран, в 1965–1998 гг. рост на душу населения составлял в среднем 1% в год в Иране и Венесуэле, 2% в Ливии и 3% в Ираке и Кувейте. Для всех этих стран характерна общая закономерность.

³⁴) В большинстве других стран-экспортеров нефти, как отмечают Родригес и Сакс (1999), доходы от нефти инвестируются внутри страны, что вызывает временные подъемы потребления и производства, которые рано или поздно приведут к снижению доходов.

зом в государственный бюджет, составляла около одной пятой в 1997 г. и почти 40% в 1998 г., но в предстоящие годы ожидается ее снижение до менее чем 10%. Тем не менее, норвежцы не пожелали расширить сектор центрального правительства сверх разумных пределов в результате нефтяного бума. Даже спустя 2 года после открытия нефтяных месторождений норвежцы по-прежнему считают целесообразным сохранять меньший аппарат центрального правительства, чем в Дании, Финляндии и особенно Швеции. Однако местные органы власти (муниципалитеты и графства), в которых занято более трех четвертей всех работников государственного сектора и почти четверть всех работающих (ОЭСР, 1998), не смогли проявить равную сдержанность, хотя они не получают поступлений от нефти, кроме, возможно, косвенных выплат посредством трансфертов дохода от центрального правительства. Кроме того, социальные издержки расширения органов местного управления в кронах, вероятно, меньше, чем издержки увеличения аппарата центрального правительства при прочих равных условиях. Это объясняется тем, что местные органы власти, особенно в странах с низкой плотностью населения, таких как Норвегия, обычно более эффективно оказывают государственные услуги, такие как образование и здравоохранение, чем центральное правительство, поскольку они находятся ближе к своим клиентам.

Д. Экономическая политика

Партнерские отношения между получателями ренты и политиками не всегда продолжительны, поскольку они редко приводят к обоснованной экономической политике.

Представляется, что страны, богатые ресурсами, подвержены различным проблемам экономической политики в большей степени, чем другие страны. Изобилие природных ресурсов может порождать ложное чувство защищенности, представление о неограниченных возможностях. С другой стороны, страны, не имеющие значительных природных ресурсов, могут считать, что у них нет запаса прочности, и им необходимо очень взвешенно подходить к организации экономики и экономической политике. Когда страны, богатые природными ресурсами, начинают сталкиваться с трудностями, они часто не могут поверить в происходящее и пытаются стимулировать рост, например посредством внутренних инвестиционных проектов и иностранных займов, что приводит к стремительному росту инфляции и неконтролируемому увеличению государственных финансов и внешнего долга и в конечном счете к неудовлетворительным показателям экономического роста, когда власти вынуждены принимать меры для контроля над инфляцией и задолженностью. За этим следует период экономического застоя или даже снижения уровня жизни и роста общественного недовольства, которые вновь придают импульс экономическому росту, происходит новый подъем, и цикл повторяется (Sachs, 1989; Auty, 1994). Экономическое развитие представляет собой череду спадов и подъемов. В годы, когда экономический рост незначителен или отсутствует или даже является отрицательным, национальное богатство истощается. Это касается не только физического капитала, но и человеческого капитала и природного богатства, поскольку в трудные годы власти могут поддаваться соблазну уделять меньше внимания образованию и увеличить использование природных ресурсов. В годы, когда экономический рост улучшается, как власти, так и общественность часто теряют из виду долгосрочные цели. Лишь запоздало люди приходят к пониманию того, что долгосрочный рост в среднем ниже, чем они думали, поскольку его темпы периодически резко падают.

Таким образом, экономическое развитие характеризуется неровным темпом, обусловленным не только непоследовательной экономической политикой, но и колебаниями цен на сырье. Цены основных сырьевых товаров гораздо более подвержены колебаниям, чем цены остальных товаров и услуг в целом. Это означает, что для стран, богатых ресурсами, характерны большая изменчивость экспортных поступлений и экономическая нестабильность по сравнению с другими странами. За подъемами следует быстрый рост, а иногда и инфляция. Во время спадов часто принимаются меры по снятию остроты проблем экспортных отраслей, иногда включая девальвацию валюты и иностранные займы – в результате инфляция высока как в периоды лишений, так и в годы изобилия. Однако, насколько можно судить, в странах богатых ресурсами уровень инфляции не выше, чем в других странах.

Порывистое движение дестабилизирует экономическую активность во многом так же, как инфляция, усиливая неопределенность и приводя к сокращению торговли и инвестиций и, следовательно, снижению темпов экономического роста. Динамика экономической активности в специализированных экономических системах является более неровной, чем в диверсифицированных системах; такая экономика также более чувствительна к колебаниям из-за недостаточного распределения риска. Когда страна, богатая ресурсами, сталкивается с трудностями вследствие чрезмерной эксплуатации, плохого улова или падения мировой цены, этот удар может быть сокрушающим, так как способность экономики переносить потрясения приблизительно обратно пропорциональна доминирующему положению сырьевого сектора в экономике в период благополучия.

3. Заключение

Представляется, что значительное природное богатство имеет свои недостатки. Опыт очень многих стран, по-видимому, свидетельствует о том, что наличие крупных природных ресурсов сопутствует тенденции более медленного экономического роста в долгосрочной перспективе, чем это обычно бывает в странах, не располагающих существенными природными ресурсами³⁵). Этой обратной взаимосвязи между обилием ресурсов и долгосрочным ростом имеется ряд возможных объяснений, которые кратко рассматривались в настоящей работе: (а) голландский синдром, который ведет к повышению реального обменного курса или заработной платы и усиливает нестабильность обменного курса, что вызывает сокращение экспорта и замедление экономического роста; (б) недостаток внимания к вопросам образования, что, возможно, связано с в целом более низкими требованиями сырьевого сектора к уровню образования по сравнению с другими отраслями, в результате чего сокращается объем квалифицированных трудовых ресурсов для других отраслей; (в) извлечение экономической ренты, которое отвлекает внимание и усилия общества от создания богатства, переключая их на непродуктивную деятельность; (г) недостатки экономической организации и политики, которые могут быть результатом ложного чувства безопасности, порождаемого обильными ресурсами, и мнимой несокрушимости.

В предстоящие годы необходимо будет более тщательно проанализировать эти объяснения и другие факторы, которые могут быть отмечены впоследствии, поскольку экономические исследования взаимосвязи между природным богатством

³⁵) Эти данные обобщаются в работе Auty (готовится к выпуску).

вом и экономическим ростом находятся еще на ранней стадии. Требуется рассмотреть множество аспектов. Кроме того, рассмотренные здесь страны, богатые ресурсами, столь значительно отличаются друг от друга, например по уровню развития и типу государственного управления, что едва ли можно включать все эти страны – от Нигерии до Норвегии! – в одну группу и делать общие выводы. Тем не менее, было бы неосмотрительно игнорировать признаки, которые можно наблюдать на опыте стран, богатых ресурсами. Более целесообразно было бы тщательно рассмотреть теоретические и эмпирические аргументы и попытаться получить максимальный объем информации на их основе.

* * *

*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alesina, Alberto, and Dani Rodrik. *Distributive Policies and Economic Growth* // *Quarterly Journal of Economics*, 1994, 109, May. P. 465–490.
2. Auty, Richard M. *Industrial Policy Reform in Six Large Newly Industrializing Countries: The Resource Curse Thesis* // *World Development*, 1994, 22. P. 11–26.
3. Auty, Richard M. *Natural Resources, the State and Development Strategy* // *Journal of International Development*, 1997, 9. P. 651–663.
4. Auty, Richard M. *Resource Abundance and Economic Development: Improving the Performance of Resource-Rich Countries* // *Research for Action*, 1998, 44. The United Nations University, WIDER (World Institute for Development Economics Research), Helsinki.
5. Auty, Richard M. (ed.) (forthcoming). *Resource Abundance and Economic Development*. Oxford and New York: Oxford University Press.
6. Bardhan, Pranab. *Corruption and Development: A Review of the Issues* // *Journal of Economic Literature*, 1997, 35, September. P. 1320–1346.
7. Barro, Robert J. *The Determinants of Economic Growth*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1997.
8. Barro, Robert J. *Recent Developments in Endogenous Growth Theory*, Ch. 2 in Oosterbaan et al., 2000.
9. Barro, Robert J., and Xavier Sala-i-Martin *Economic Growth*. New York: McGraw-Hill, 1995. Ch. 12.
10. Bhagwati, Jagdish. *Directly-Unproductive, Profit-Seeking (DUP) Activities* // *Journal of Political Economy*, 1982, 90, October. P. 988–1002.
11. Chenery, Hollis B., and Moshe Syrquin. *Patterns of Development, 1950–1970*. London: Oxford University Press, 1975.
12. Chenery, Hollis B., Sherman Robinson, and Moshe Syrquin. *Industrialization and Growth. A Comparative Study*. New York: Oxford University Press and Washington, D.C.: World Bank, 1986.
13. Corden, W. Max. *Booming Sector and Dutch Disease Economics: Survey and Consolidation* // *Oxford Economic Papers*, 1984, 36. P. 359–380.
14. Easterly, William. *The Joys and Sorrows of Openness: A Review Essay*. Ch. 3 in Oosterbaan et al., 2000.
15. Easterly, William, and Stanley Fischer. *The Soviet Economic Decline* // *World Bank Economic Review*, 1995, 9, № 3. P. 341–371.
16. Easterly, William, and Ross Levine. *Africa's Growth Tragedy: Politics and Ethnic Divisions* // *Quarterly Journal of Economics*, 1997, 112, November. P. 1203–1250.

17. Gelb, Alan. *Windfall Gains: Blessing or Curse?* Oxford: Oxford University Press, 1998.
18. Gelb, Alan, A. L. Hillman, and H. W. Ursprung. *Rents and the Transition* / Background Paper, World Development Report 1996, Washington, D.C.: World Bank, 1996.
19. Gray, Cheryl W., and Daniel Kaufman. *Corruption and Development* // *Finance and Development*, 1998, March. P. 6–10.
20. Gylfason, Thorvaldur. *Exports, Inflation, and Growth* // *World Development*, 1999, 27, June. P. 1031–1057.
21. Gylfason, Thorvaldur. *Nature, Power, and Growth* / ECON Report 3, ECON – Center for Economic Analysis, Oslo, January, 2000a.
22. Gylfason, Thorvaldur. *Natural Resources and Economic Growth: A Nordic Perspective on the Dutch Disease* / in *Macroeconomic Policy: Iceland in an Era of Global Integration*, ed. Mar Gudmundsson, Tryggvi Thor Herbertsson, and Gylfi Zoega. Reykjavik: Iceland University Press, 2000b.
23. Gylfason, Thorvaldur. *Natural Resources, Education, and Economic Development* // *European Economic Review*, 2001, May.
24. Gylfason, Thorvaldur, and Tryggvi Thor Herbertsson. *Does Inflation Matter for Growth?* // *CEPR Discussion Paper* № 1503, 1996, December.
25. Gylfason, Thorvaldur, Tryggvi Thor Herbertsson, and Gylfi Zoega. *A Mixed Blessing: Natural Resources and Economic Growth* // *Macroeconomic Dynamics*, 1999, 3, June. P. 204–225.
26. Gylfason, Thorvaldur, and Gylfi Zoega. *Natural Resources and Economic Growth: The Role of Investment* // *CEPR Discussion Paper* № XXXX, 2001, January.
27. Hall, Robert E., and Charles I. Jones. *The Productivity of Nations* // *NBER Working Paper* № 5812, 1996, November.
28. Herbertsson, Tryggvi Thor, Marta G. Skuladottir and Gylfi Zoega. *Three Symptoms and a Cure: A Contribution to the Economics of the Dutch Disease* // *Working Paper* № W99:10, Institute of Economic Studies, University of Iceland, 1999.
29. Kaldor, Nicolas. *Causes of the Slow Rate of Growth in the United Kingdom*. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.
30. Kaufman, Daniel. *Corruption: The Facts* // *Foreign Policy*, 1997, 107. P. 114–131.
31. Krueger, Anne. *The Political Economy of the Rent-Seeking Society* // *American Economic Review*, 1974, 64, June. P. 291–303.
32. Matsuyama, K. *Agricultural Productivity, Comparative Advantage, and Economic Growth* // *Journal of Economic Theory*, 1992, 58. P. 317–334.
33. Mauro, Paolo. *Corruption and Growth* // *Quarterly Journal of Economics* 1995, 110, August. P. 681–712.
34. Mauro, Paolo. *Corruption and the Composition of Government Expenditure* // *Journal of Public Economics*, 1998, 69, № 2. P. 263–279.
35. Neary, J. Peter, and Sweder van Wijnbergen (eds.). *Natural Resources and the Macroeconomy*. Basil Blackwell, 1986.
36. Nelson, Richard, and Edmund S. Phelps. *Investment in Humans, Technological Diffusion, and Economic Growth* // *American Economic Review*, 1966, 61, March. P. 69–75.
37. OECD *Economic Surveys: Norway*, Paris, 1999.
38. Oosterbaan, Maaïke, Thijs de Ruyter van Steveninck, and Nico van der Windt (eds.) *The Determinants of Economic Growth*. Kluwer, 2000.
39. Paldam, Martin. *Grønlands økonomiske udvikling, Hvad skal der til for at lukke gabet? (Greenland's Economic Development: What is Needed to Close the Gap?)*, Aarhus universitetsforlag, Aarhus, 1994.
40. Paldam, Martin. *Dutch Disease and Rent Seeking: The Greenland Model* // *European Journal of Political Economy*, 1997, 13, № 1. P. 591–614.
41. Paldam, Martin, and Gert Tinggaard Svendsen. *An Essay on Social Capital: Looking at the Fire behind the Smoke* // *European Journal of Political Economy*, 2000, 16, № 2. P. 339–366.

42. Ranis, Gustav. *Towards a Model of Development in Lawrence B. Krause and K. Kim (eds.), Liberalization in the Process of Economic Development. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 59–101.*
43. Rodriguez, Francisco, and Jeffrey D. Sachs. *Why Do Resource-Abundant Economies Grow More Slowly? A New Explanation and an Application to Venezuela // Journal of Economic Growth, 2000, 4, September. P. 277–303.*
44. Sachs, Jeffrey D. *Social Conflict and Populist Policies in Latin America / NBER Working Paper № 2897, Cambridge, Massachusetts: National Bureau of Economic Research, 1989.*
45. Sachs, Jeffrey D., and Andrew M. Warner. *Natural Resource Abundance and Economic Growth / NBER Working Paper 5398, Cambridge, Massachusetts, 1995, revised 1997, 1999.*
46. Sachs, Jeffrey D., and Andrew M. Warner. *Natural Resource Intensity and Economic Growth / in Jörg Mayer, Brian Chambers, and Ayisha Farooq (eds.), Development Policies in Natural Resource Economies, Edward Elgar, Cheltenham, UK, and Northampton, Massachusetts, 1999.*
47. Schuknecht, Ludger. *Tying Governments' Hands in Commodity Taxation // Journal of African Economies, 1999, 8, July. P. 152–181.*
48. Smith, Adam. *The Wealth of Nations, 1776.*
49. Temple, Jonathan. *The New Growth Evidence // Journal of Economic Literature, 1997, 37, March. P. 112–156.*
50. Temple, Jonathan, and Paul A. Johnson. *Social Capability and Economic Growth // Quarterly Journal of Economics, 1998, 113, August. P. 965–990.*
51. Tornell, Aaron, and Philip R. Lane. *The Voracity Effect // American Economic Review, 1998, 89, March. P. 22–46.*
52. Tornell, Aaron, and Philip R. Lane. *Are Windfalls a Curse? A Non-representative Agent Model of the Current Account // Journal of International Economics, 2000, 44, № 1. P. 83–112.*
53. Wantchekon, Leonard. *Why do Resource Dependent Countries Have Authoritarian Governments? / unpublished manuscript, Department of Political Science, Yale University, 2000.*
54. Wood, A., and K. Berge. *Exporting Manufactures: Human Resources, Natural Resources, and Trade Policy // Journal of Development Studies, 1997, 34. P. 35–59.*
55. Woolcock, Michael. *Social Capital and Economic Development: Toward a Theoretical Synthesis and Policy Framework // Theory and Society, 1998, 27, № 2, P. 151–208.*
56. World Bank. *Expanding the Measure of Wealth: Indicators of Environmentally Sustainable Development / Environmentally Sustainable Development Studies and Monographs Series, 1997, № 17, World Bank, Washington, D.C.*
57. World Bank. *World Development Indicators, Washington, D.C., 2000.*